

Эмануил ИОФФЕ

«Але ў душу так проста не заглянеш...»

**14 января 2020 г. — 100-летие
заслуженного работника культуры Беларуси Н. Я. Аврамчика**

«Белорусскую поэзию нельзя представить без произведений Миколы Аврамчика», — именно такую оценку дал творчеству Миколы Аврамчика народный поэт Беларуси, Герой Социалистического Труда Максим Танк во время беседы с автором этих строк. А другой народный поэт Беларуси Пимен Панченко отмечал: «У многіх паэтаў ёсць адзін верш, у якім нібыта сканцэнтравана ўся сутнасць і асаблівасць іх паэзіі. У М. Святлова гэта “Гранада”, у Я. Смелякова — “Калі я захварэю...”, у С. Арлова — “Яго зарылі ў шар зямны” і г. д. У М. Аурамчыка такім вершам я назваў бы “Беларускую сасну”. Тут усё хораша: і думка, і сюжэт, і вобразнасць. Адразу адчуваеш і гордасць за сваю працу лірычнага героя. І любоў да роднай Беларусі з баравымі смалістымі соснамі. Але галоўнае — верыш шчыраму даверліваму голасу паэта. У гэтым увесь Аурамчык з яго яснай паэзіяй, з любоўю да радзімы, да людзей працы, з вернасцю франтавому сяброўству, з няўтольнай прагай найбольш паездзіць па свеце, з яго добразычлівасцю да усіх народаў нашай неабдымнай Айчыны».

Малая родина Миколы Аврамчика — деревня Плессы Бобруйского района Гомельской области. Здесь 14 января 1920 года в крестьянской семье начался его жизненный путь. Он учился в школах деревень Плессы и Телуша, а в 1938 году поступил на филологический факультет Минского педагогического института имени А. М. Горького. Одновременно Николай Яковлевич работал в редакции газеты «Пионер Беларуси».

Микола Аврамчик никогда не забывал о своей малой родине. Немало стихотворений он посвятил Бобруйшчине:

Мая Бабруйшчына зялёная,
Здаешся іншым ты малой
З тваёй Бярэзішай хвалёнаю
І з непрыметнаю Алой.

А мне заўсёды паўнаводнымі
Здаваліся іх берагі,
Былі твае мясціны роднымі,
Куток з маленства дарагі.

Во время Великой Отечественной войны он участвовал в боях на Северо-Западном и Волховском фронтах. Когда в Москве начали формироваться дивизионы «катюш», туда отбирали комсомольцев, студентов последних курсов вузов СССР. Так Николай Аврамчик стал артиллеристом. Молодой поэт был направлен в состав 2-й ударной армии Волховского фронта, которой командовал печально известный командарм-2 генерал-лейтенант А. Власов. Кстати, политруком Миколы Аврамчика был татарский поэт, будущий Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии Муса Джалиль.

При окружении в июне 1942 года Аврамчик попал в плен испанской воинской части, которая передала его немцам. Вскоре он был вывезен на принудитель-

ные работы в Германию, а точнее, на каменноугольные шахты в Руре. В апреле 1945 года М. Аврамчик вместе с другими военнопленными был освобожден английскими войсками.

После Победы над германским нацизмом М. Аврамчика направили на восстановление Донбасса. В 1949 году он окончил отделение журналистики филологического факультета БГУ. Аврамчик работал в редакциях газет «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», журнала «Польмя». 27 лет — с 1953-го по 1980 год, он был редактором отдела поэзии журнала «Маладосць».

В мемуарах народной артистки Беларуси Зинаиды Бондаренко «Мой шлях да Беларусі» есть такие строки: «Мінск бамбілі ўжо 22 чэрвеня 1941 года. Вакзал гарэў. Мама раз-пораз з намі, дзецьмі, і суседзямі бегала у бомбасховішчы на вуліцы Карла Маркса. Тое, што мы бегалі менавіта туды, ужо значна пазней удакладніў наш вядомы паэт Мікола Аўрамчык. Дзесьці раней у інтэрв'ю я ўзгадвала бомбасховішча, насып якога дагэтуль узвышаецца ў Ленінградскім (зараз Міхайлаўскім) скверыку. А Мікола Якаўлевіч мне патэлефанаваў і выправіў тую гістарычную памылку. Аказалася, што, як рэдактар (точнее, супрацоўнік. — Э. И.) газеты «Чырвоная змена», ён публікаваў матэрыялы пра акупаваны Мінск і дакладна ведаў: бомбасховішча ў Ленінградскім скверыку для сябе немцы пабудавалі перад самымых сходам з горада» (Народная воля, 5 лістапада 2019 г. С. 6).

В своей вступительной статье «Замілаванасць» к книге М. Аврамчика «Анкета: Выбраныя вершы, паэмы, успаміны» (1990) один из самых талантливых поэтов Беларуси Рыгор Бородулин (которому через два года было присвоено звание народного поэта Беларуси. — Э. И.) вспоминал: «З дня заснавання часопіса “Маладосць” Мікола Аўрамчык быў загадчыкам аддзела паэзіі. Гэтага і ўявіць немагчыма, колькі рукаісаў (менавіта ад рукі наінсаных) прачытаў уважліва, добразычліва, спагадна. Праз ягоныя рукі прайшло тысячы тысяч вершаваных радкоў, праз ягонае сэрца прайшло некалькі пакаленняў беларускіх паэтаў. Пэралік імёнаў зойме некалькі старонак. Назаву выбарачна некаторых «хрэснікаў» Міколы Аўрамчыка — Генадзь Бураўкін, Юрась Свірка, Сымон Блатун, Кастусь Цвірка, Анатоль Грачанікаў, Васіль Зуёнак, Янка Сіпакоў, Яўгенія Янішчыц, Юрка Голуб, Рыгор Семашкевіч, Алесь Разанаў, Алёг Салтук, Уладзімір Някляеў, Пятро Ламан і дужа шмат хто яшчэ».

Свои силы в области поэтического творчества Микола стал пробовать еще в семилетке, а свои первые стихи 17-летний юноша опубликовал в 1937 году в бобруйской газете «Коммунист». Первый его поэтический сборник под названием «Пярэдні край» вышел в Минске в 1949 году. В 1950 году вышел сборник стихотворений М. Аврамчика для детей под названием «Дружба».

Микола Аврамчик стал известен прежде всего как поэт-лирик, мысли и чувства которого созвучны с мыслями и чувствами его героя.

Выразительность и очерченность мысли, композиционная компактность стихотворения, меткое сочетание конкретно-реалистических и романтично-возвышенных элементов составляют важнейшие, наиболее существенные особенности художественной манеры Миколы Аврамчика.

Оценивая его поэтические сборники «Шляхамі дружбы» (1952), «Ключы жураўліныя» (1960), «Сустрэча былых канагонаў» (1963), «Універсітэцкі гарадок» (1967), «Радовішча» (1976), «Анкета. Выбранае» (1990) и др., литературные критики отмечали в его поэзии искренность, благожелательность, любовь к родине, трагическую военную судьбу.

Так, белорусский литературный критик и литературовед Якуб Усиков подчеркивал, что очень важную роль в поэзии Миколы Аврамчика играет автобиографическое начало. Этим в значительной степени обуславливается проблемно-тематический, идейно-художественный диапазон его творчества. Великая Отечественная война, пламенная любовь к Родине и ненависть к нацистской неволе, мучительные переживания в немецком плену, каторжная работа в каменноуголь-

ной шахте в Руре, радость Победы над врагом, романтика студенческой жизни, дружба и солидарность народов СССР и всего мира — все это нашло освещение в произведениях М. Аврамчика.

Оценивая книгу лирики Миколаы Аврамчика «Сустрэча былых канагонаў», Рыгор Бородулин подчеркивал, что название книге дало одноименное стихотворение, посвященное шахтерскому поэту Павлу Беспощадному. Через много лет всё припоминалось:

Паузмрочная кавальня у дымным Руры
І у ёй не я,
а сноудае штодзень
Шкілет,
які яшчэ абцягнут скурай,
Ды на сцяне —
чужы, сутулы цень.

«Перачытайце, які дакладны малюнак, нібы наскальна скупы і ёмісты. Колькі гаворыць пра пакуты шкілет, “які яшчэ абцягнут скурай”. Слова яшчэ акцэнтуе увагу. Чалавек ужо толькі цень. Паднявольнік яшчэ жыве, але ўжо не пазнае уласнага ценю, чужым здаецца свой цень».

Нельзя не сагласіцца со следуючым мненнем одного из самых талантливых белорусских писателей Генриха Далидовича: «У (зборніку. — Э. И.) “Ключы жураўліныя” (міжволі ўгадайма “Жураўлішы крык” Васіля Быкава) Аўрамчык змясціў верш “Анкета”. Тады гэты “дакумент” меў велізарную сілу, па ім “чыталі” чалавека, вызначалі, якім яму быць ці не быць. У вершы, прысвечаным таксама былому ваеннапалоннаму Янку Брылю, паэт выдыхнуў ад усёй збалелай душы:

Адразу ж стала зразумела мне,
З якой прычыны ты раптоўна гэтак
Задумаўся і нават пахмурнеў.
Спакойна запаўняючы анкету.

Гэты верш трэба цытаваць цалкам, ён — у ліку класікі нашай паэзіі, толькі дадамо:

Заужды у анкету легка зазірнуць,
Але у душу так проста не заглянеш.

Ёсць мо ў гэтым і суцяшэнне. Каб празмерна не лезлі туды з бруднымі намерамі.

Наступная кніга “Сустрэча былых канагонаў” (1963), без ніякага сумнення, — жыццёвы ўзлёт Аўрамчыка-паэта. Заслужана за гэтую кнігу паэзіі паэт Аўрамчык атрымаў вышэйшую літаратурную прэмію рэспублікі (1964. — Э. И.).

По мнению большинства литературоведов, Микола Аврамчик — мастер сюжетно организованного стиха, конкретной поэтической детали, лирического этюда, зарисовки.

Только в последние годы его жизни стало известно, что это Николай Аврамчик вместе с Нилом Гилевичем написал культовую анонимную поэму 1980-х годов — «Сказ пра Лысую гару».

Белорусский поэт и прозаик Людмила Рублевская отмечает, что когда о поэме стали свободно дискутировать, произошел конфуз, объявились сразу два автора: Гилевич и Аврамчик. Нил Гилевич утверждал, что он — основной автор, а Аврамчику принадлежат только пару строк. Микола Аврамчик, в свою очередь, высказался весьма резко в адрес соавтора, обвиняя его в стремлении «потянуть на себя одеяло».

«Каждую строфу, за исключением нескольких фрагментов, мы писали вместе, — говорил Микола Аврамчик. — В конце концов, я был редактором отдела поэзии “Маладосці”. Это Гилевич носил мне свои стихи, а не я ему! Зачем бы

я стал перепечатывать на своей машинке и рассылать его поэму? Идея написания принадлежала моему соавтору. Я особо не загорелся. Видимо, было у меня предчувствие не связываться... Но Гилевич пришел, принес первые двадцать строк, сели мы за стол у меня и начали сочинять» (Советская Белоруссия, 2005, 13 января. С. 11).

Большинство читателей журнала «Неман» по праву считают Миколу Аврамчика оригинальным и талантливым поэтом. Но, к сожалению, только немногие знают, что кроме этого он был талантливым прозаиком. Об этом свидетельствуют его роман «У падзямеллі» (1983) и повесть «Палон» (1989).

В частности, в автобиографическом очерке о себе М. Аврамчик писал: «Кожны дзень на дасвецці з лагера (военнопленных. — Э. И.) да шахты канваіры прыганялі вялікую калонну палонных, абвітую гірляндамі шахцёрскіх лямпаў. Нявольнікаў адпускалі ў падзямелле. У лагеры лупцавалі канваіры, паліцаі, па дарозе да шахты штурхалі прыкладамі канваіры, а ў падзямеллі кайлам білі штэйгеры і іх памочнікі. Ад стандартнага рацыёну — невялічкай пайкі хлеба-сурагату і двух літраў незапраўленай баланды са шнінату або сушанай бручкі ледзь перастаўлялі ногі.

Кожны месяц з лагера вывозілі 30—40 хворых на туберкулёз. Калі б не малады юнацкі арганізм ды не падтрымка аднаго нямецкага шахцёра, дык я, напэўна, не выжыў бы ў гэтым пекле».

Первая книга прозы известного поэта Миколы Аврамчика «В подземелье» с интересом была встречена читателями и критикой.

Нельзя не согласиться со следующим мнением Генриха Далидовича: «Хіба не зрокавая карціна! (Речь идет об отрывке из автобиографического очерка М. Аврамчика. — Э. И.) Не, залацінкі прозы! Вось мне і пашанцавала першаму засведчыць Аўрамчыка-празаіка. Мо і не цалкам ён нарэшце вызваліўся ад свайго душэўнага цяжару, але перанёс яго на персанажы твораў раманам «У падзямеллі», а потым аповесці «Палон». Тут цалкам супала тое, што пісаў пра Аўрамчыка Ускаў: «Думкі і пачуцці яго сугучныя з думкамі і пачуццямі героя».

На мой погляд, Аўрамчык у творы «У падзямеллі» перасягнуў звычайную праўдзінасць і на багатым матэрыяле па-мастацку наблізіўся да праўды вялікай прозы тым, што паказаў свайго героя натуральна, без залішняга падхарошвання, чалавека. Яго герой зведвае гаму пачуццяў: прыкрасць, ганьбу, страх, тугу па Бацькаўшчыне, пакуты, боль аж да адчайнасці загубіць сябе (калі звар'яцела выдзёубвае вялікі кавалак пароды, каб тая абвалілася і задушыла яго); ён зведвае і радасць — так-так і ўцеху (ад роднай сасны, якой падпіралі штольні), ён зведвае і помач, а то паратунак ад таго, што словам і хлебам падтрымлівае не Сталін, не родны урад праз Крыж (Красный Крест. — Э. И.), а немец-майстра, нармальны, не атручаны фашысцкай ідэалогіяй чалавек. Але хоць на раман вельмі зычлівую рэцэнзію напісаў Я. Лецка, у некаторых «былых» прагучала недаўменне наконт вобраза немца-выратавальніка, была спроба твор замаўчаць, не выдаць асобнай кнігаю, не дапусціць перакладу на рускую мову».

В новой повести «Плен» автор писал о пережитом, о своих товарищах, на чьи молодые плечи легла тяжесть страшной войны — жестокие бои, окружение, плен, голод и издевательства в фашистском лагере. Очень важно, что Микола Аврамчик правдиво и взволнованно рассказал о моральном превосходстве своих персонажей, их борьбе за человеческое достоинство.

После выхода в 1984 году книги М. Аврамчика «Знаёмыя постаці» его стали по праву называть «оригинальным и ярким эссеистом и мемуаристом». Кроме богатой документальной основы, отлично выполненных рисунков, важных деталей, необходимой сюжетности, временами и определенных интриг читателя данного издания притягивает тщательно подобранная речь и своеобразный стиль изложения. Несмотря на то, что хоть после выхода этой книги прошло уже три с половиной десятилетия, она до сих пор не утратила своей актуальности, а для тех, кто начнет ее читать, многие страницы жизни и деятельности Янки Купалы,

Якуба Коласа, Кондрата Крапивы, Змитрока Бядули, Аркадия Кулешова, Максима Танка, Пимена Панченко, Ивана Мележа, Янки Брыля, Алексея Пысина, Петра Машерова покажутся новыми, во многом малоизвестными и неизвестными.

Если говорить искренне, то все воспоминания Миколы Аврамчика очень интересны, оригинальны, а некоторые страницы читаются на одном дыхании, но автору этих строк больше всего понравились воспоминания о Петре Мироновиче Машерове под названием «З ягонай лёгкай рукі».

Дело в том, что я более полувека изучаю биографию П. М. Машерова и являюсь автором многих газетных и журнальных статей о его жизни и деятельности, а также очерка в моей книге «От Мясникова до Малофеева. Кто руководил БССР» (Минск, 2008).

Чем же мне запомнились воспоминания Миколы Аврамчика о Петре Машерове? Своей правдивостью, стремлением к объективности, аналитичностью, стремлением раскрыть малоизвестные страницы его жизни, особенно на посту секретаря и первого секретаря ЦК ЛКСМБ, второго и первого секретаря ЦК Компартии Беларуси, интересными деталями многих встреч с Петром Мироновичем.

А теперь остановимся на оценках и аргументах Миколы Аврамчика: «Из руководителей Беларуси послевоенной поры кроме Пономаренко, который входил в ближайшее окружение Сталина и в связи этим владел большими возможностями, Машеров сделал больше всего для развития нашей республики. И не только потому, что возглавлял ее более продолжительное время, хотя, известно, и это имеет также немаловажное значение. В отличие от своих предшественников он более глубоко вникал в рассматриваемые дела, был более требователен к себе и к другим, более ответствен за выполнение обязанностей...

Он был личностью, на голову выше некоторых членов и кандидатов в члены тогдашнего Политбюро, многие из которых фиктивно закончили только областные или в лучшем случае республиканские партийные школы.

Он обычно не носил Золотую Звезду Героя Советского Союза (кстати, добытую личной отвагой, а не полученную по случаю какой-нибудь юбилейной даты).

Природа не обделила его ни умом, ни осанкой, ни артистичностью, ни обаянием.

Мне могут возразить: мол, если он был такой, так почему ж идеологией и культурой у него руководили такие посредственности?

Между тем, и я тогда также задумывался об этом.

Но теперь, со временем, думаю, что он держал возле себя таких деятелей не потому, чтобы выгодно выделяться среди них. Скорее всего, тогда на этих постах и не могли удержаться другие, интересные и достойные люди. Более того, я даже заметил, что последние свои годы Машеров вообще уклонялся от присмотра за вышеназванными сферами, занимаясь только промышленностью и сельским хозяйством. Видно, чувствуя неустойчивость махины, возведенной на песке, а не на прочном фундаменте, он считал промышленность и сельское хозяйство основной основой, панацеей от всех бед.

Одно время он любил возить писателей, композиторов и художников, показывая им как новейшие крупные хозяйства с громадными фермами и высоченными сенажными башнями, так и лазеры и другие изобретения в научно-исследовательских институтах и в Академии наук.

Не надо забывать, что Машеров был дитя своей эпохи. Не все он мог сделать, да и не все зависело от него самого.

Помню, как во время одной такой показательной поездки большинство ее участников пошло отдыхать, а мы, человек десять-пятнадцать, до полночи стояли с ним на опушке леса, и он рассказывал нам о положении на киностудии «Беларусь-фильм», давая развернутую характеристику отдельным кинокартинам. Лично я тогда был поражен его фундаментальным знанием дела и надеялся, что он

исправит положение. Кстати, после этого он сделал там некоторые перестановки кадров. Но это не дало соответствующих результатов.

Когда через много лет судьба случайно свела меня с людьми, которые на протяжении нескольких десятилетий курировали наше кино, я понял, что Машеров был бессилён изменить что-нибудь в этой отрасли искусства».

В день своего 85-летия — 14 января 2005 года, Микола Аврамчик по традиции побывал у памятника Янке Купале. Перед глазами бронзовый классик, в душе — живой учитель.

Готовясь к изданию энциклопедического справочника «Янка Купала», издательство «Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі» разослало авторам Купаловской премии анкету, в которой среди других были вопросы: «Были ли вы знакомы с Янкой Купалой?», «Когда и при каких обстоятельствах вы встречались с ним?».

Микола Аврамчик долго колебался, мучительно думал, как ответить на эти вопросы. И в конце концов так и не заполнил анкету. После выхода в свет этого справочника Николай Яковлевич в статье «3 імем Купалы — у сэрцы» вспоминал: «Янку Купалу я впервые увидел ранней осенью 1938 года, когда он вышел из Дома писателей. Как зачарованный чужак, пошел вслед за ним по проспекту, мимо польского консульства, кинотеатра “Красная звезда”, театрального сквера, за зданием педтехникума перешел проспект налево и взглядом сопровождал поэта до самого его дома...»

Газету “Піянер Беларусі”, в которой я работал одновременно с учебой в пединституте, редактировал очень серьезный и вдумчивый человек. Он не терпел, чтобы редакционные сотрудники по телефону заказывали авторам материалы, а всегда требовал, а часто и сам направлял нас на квартиру к известным деятелям.

Однажды он послал меня заказать стихотворения к Янке Купале.

Стеснительного, до губины души взволнованного, меня вежливо встретила в доме женщина — Владислава Францевна, жена Янки Купалы, и провела в комнату к поэту. Узнав, за чем я пришел, Янка Купала растерянно развел руками и как-то виновато, оправдываясь, сказал, что, к сожалению, не имеет ничего такого, что мог бы предложить детской газете...

Как читает свои стихи Янка Купала, я впервые услышал на похоронах Эдуарда Самуйленка...

Второй раз я слушал Янку Купалу на большом литературном вечере в актовом зале педагогического института. Тогда Якуб Колас, предварительно посоветовавшись с Янкой Купалой, благословил меня в дорогу...

Тогда, известно, я даже не представлял себе, что со временем судьба сведет меня с родными и близкими Янки Купалы, с его женой Владиславой Францевной, с его сестрами Марией Доминиковной и Леокадией Доминиковной и ее сыном Янкой Романовским, что я буду к ним приходить, выступать вместе с ними на Купаловских вечерах...

Многочисленные Купаловские вечера приучили меня к встречам с людьми, дали хорошую выучку и подготовили для более поздних моих странствований по многим республикам, краям и областям. Без прочной предшествующей закалки я со своим характером никогда не рискнул бы отправиться в ответственную, неизвестную дорогу».

Воспоминания Микола Аврамчика о Якубе Коласе носят название «Духоўны прарок і зямны чалавек». Николай Яковлевич рассказывал, как однажды группа белорусских писателей, возвращаясь из столовой в жилой корпус Королицевичского Дома творчества, встретили Якуба Коласа. Жена Павлюка Пранузы Татьяна Михайловна, которая была однокурсницей Аврамчика на филфаке Минского пединститута, не удержалась и спросила у Якуба Коласа:

— Константин Михайлович, а помните, как до войны на литературном вечере в Минском пединституте вы хвалили стихотворение «Адлёт жураўлёў» Микола Аврамчика?

— Микола напишет еще не такие стихотворения, — уклонившись от конкретного ответа, промолвил Якуб Колас...

«Я хорошо понимаю теперь, что та давняя оценка Якубом Коласом моего стихотворения сыграла решающую роль в моей дальнейшей творческой судьбе. Хоть, признаться, и тогда, и теперь она показалась мне завышенной. Поэтому в своей биографии я стеснялся и, признаться, побаивался цитировать похвальные слова народного поэта.

Теперь я нашел довоенные подшивки обеих республиканских молодежных газет и перечитал то, что они печатали в “Чырвонай змене” за 8 апреля 1939 года в конце заметки “Літаратурна-творчы вечар”:

«Я. Колас падрабязна разабраў верш М. Аурамчыка “Адлёт жураулёў”. Азнаёміўшыся з журналам “Наша творчасць”, ён пакінуў наступны запіс: «...Першае уражанне — радасць за таленты маладых літгурткуоцаў. Маю ўвагу спыніў верш Аурамчыка “Адлёт жураулёў”. Верш надзвычай свежы. Па сіле і эмацыянальнасці я стаўлю яго ў рад такіх твораў, як лермантаўскі “Парус”. Жадаю літгурткуоцам паспехаў»...

А между тем Якуб Колас — единственный из белорусских писателей советского времени, кто в предсмертном письме в ЦК Компартии, которое, кстати, и теперь не особенно афишируется, хоть звучит еще более злободневно, не побоялся сказать суровую и горькую правду в защиту родного языка.

Отдельные места из этого письма, как и высказывания Франтишка Богушевича о родном языке, должен бы знать наизусть каждый белорус и всегда помнить — любой чиновник из национальной интеллигенции».

При жизни Миколы Аврамчика вышли четыре издания его избранных произведений. Это «Выбранае» (1976), «Выбраныя творы» в 2 томах (1980), «Анкета: Выбранае» (1990) и «Выбраныя творы» (2015).

В большинстве газетных и журнальных статей о творчестве Миколы Аврамчика не отмечается тот факт, что он был одним из самых талантливых переводчиков нашей республики. Об этом свидетельствуют его переводы на белорусский язык отдельных произведений английского поэта-романтика Джорджа Байрона, гения польской литературы, нашего земляка Адама Мицкевича, классиков украинской литературы Леси Украинки и Ивана Франко, оригинального татарского поэта, Героя Советского Союза Мусы Джалиля, уникального армянского поэта Геворга Эмина, сборников стихотворений классиков советской и российской поэзии Сергея Михалкова «А что у вас?» (1950), Сергея Есенина, Ярослава Смелякова, советского поэта В. Бычко «Три сестры», поэмы талантливейшего украинского поэта Миколы Нагнибеды «Василёк» (1961) и так далее.

Микола Аврамчик был интересным человеком, и ничто человеческое ему не было чуждо. Он любил розыгрыши.

Людмила Рублевская пишет: «Между прочим, Микола Аврамчик не случайно оказался замешан в истории со “Сказом” — он всегда славился в литературской среде веселыми розыгрышами. Например, Рыгора Бородулина Аврамчик вызывал по телефону на военные сборы, представившись сотрудником военкомата. По телефону же позвонил поэту Анатолию Сербантовичу, напечатавшему в соавторстве с Василем Макаревичем репортаж о шахтерах Солигорска: объявил от имени солигорцев о недостоверных фактах в материале. Розыгрыш имел убийственную силу, поскольку оказалось, что ни один из авторов репортажа в Солигорске не был. Хорошо, что шутник сразу же признался» (Советская Белоруссия, 13 января 2005 г.)

В 1980 году М. Аврамчику было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Белорусской ССР». Кроме этого он был награжден орденами «Знак Почёта», Отечественной войны второй степени и многими медалями.

В период существования Советского Союза выход книг белорусского поэта в Москве в самых авторитетных и популярных издательствах был большим событием. Микола Аврамчик мог по праву гордиться тем, что его книга «Совершенство

нолетие» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1953 году, а книги «Дороги моего края» и «Прозрение» (перевод с белорусского известной советской поэтессы Риммы Казаковой») соответственно в 1960 и 1973 годах в издательстве «Советский писатель».

Нельзя не согласиться с мнением Рыгора Бородулина о творчестве Миколаы Аврамчыка: «Вершы Миколаы Аурамчыка беларускія сваёй канкрэтнасцю і акрэсленасцю, сваёй прыхаванай глыбінёй і стрыманасцю, сваёй радасцю і замілаванасцю. Сын свайго часу паказаў час, як ён бачыў яго, як адчуваў яго, не хлусячы, не становячыся на катурны. Радасць жыцця, радаванне жыццю ў Миколаы Аурамчыка можна зразумець. Ён сам гаворыць пра сябе у вершы, прысвечаным Васілю Быкаву:

Вам чэсць аддае з пашанай
Уваскрэшы з мёртвых, жывы
Без вестак прапаушы рана
Гвардыі радавы.

Паэт сябе адчувае радавым, але без радавых няма арміі, без радавых няма войска. Якраз радавыя займаюць вышыні, а генералы толькі рапартуюць. Так і ў арміі, так і ў паэзіі».

На протяжении шести лет М. Аврамчик учился в Телушской школе Бобруйского района. До последних дней своей жизни он, постоянно живя в Минске, не забывал родные места. Поэт часто посещал Телушскую школу, встречался с ее учащимися и учителями. Он подарил школьной библиотеке много своих книг. Однажды, присутствуя на уроке белорусского языка, Микола Аврамчик признался, что был у него один урок, на котором приключился казус: учащиеся не прочитали произведения Якуба Коласа, и практикант Аврамчик наставил им «двоек», а недовольные школьники урок сорвали. Пришлось убежать из класса.

В музее Телушской школы Бобруйского района имеется экспозиция, посвященная жизни и творчеству известного земляка. Там хранятся рукописи, личные вещи Миколаы Аврамчыка, книги с его автографами.

В 1998 году Николай Яковлевич был удостоен звания «Почетный гражданин Бобруйского района».

Из бесед с людьми, близко знавшими Миколу Аврамчыка, проясняются некоторые штрихи к его портрету: необычный характер поэта, в котором рядом с настойчивостью в решении проблем других людей стояла скромность в отношении к себе, а рядом с мягкостью выступала сила. Его соратники и современники акцентируют внимание на таких чертах его характера, как воспитанность, необыкновенная тактичность и интеллигентность.

В период работы поэта заведующим отделом поэзии журнала «Малодосць» (1953—1980) и в последующие годы автор этих строк неоднократно встречался с Миколой Аврамчыком. Вспоминаются такие черты Николая Яковлевича, как аналитичность ума, большая эрудиция, особенно в мировой поэзии, масштабность мышления и какая-то особая народная мудрость.

И еще помню, как во время одной из встреч он поведал мне, что из-за пребывания в плену стал «невъездным» и его ни разу не выпустили за пределы Советского Союза. Что касается вступления в КПСС, он сказал, что «путь туда для меня давно заказан».

Миколаы Аврамчыка не стало 8 мая 2017 года — на 98-м году жизни.

Многогранная творческая деятельность Миколаы Аврамчыка, его вклад в развитие белорусской культуры в целом и в развитие белорусской литературы в частности достойны того, чтобы имя поэта было увековечено в нашей республике.